

Научная статья
УДК 008+72+7.0

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Чапля Татьяна Витальевна

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия, Chap_70@mail.ru, ORCID 0000-0001-9712-7478

Аннотация. Актуальность обусловлена необходимостью понимания история формирования городского пространства и закрепления за его отдельными местами типов социального взаимодействия. Целью статьи является исследование связи организации городского пространства и типов коммуникативных практик, в них реализуемых. Методологическую базу составили работы урбанистов, рассматриваемых город как социальных организм, поле реализации определенных коммуникативных процессов, в особенности достижения чикагской школы. В статье продемонстрирована тенденция зависимости развития зонирования городского пространства с дифференциацией сфер жизнедеятельности человеческого сообщества. Прослежено четыре сферы: на уровне жилого пространства, пространства работы, пространства досуга и потребления. Коммуникативные практики представлены на двух уровнях пространства: личного и общественного. Сделан вывод о преобладании на уровне общественного пространства и официального взаимодействия роли статусных различий, а на уровне неофициального взаимодействия – ролевого. Так указано, что определенные сферы жизнедеятельности связаны с определенными типами архитектуры; и архитектура при этом выполняет роль управляющего механизма, который диктует человеку границы допустимого поведения.

Ключевые слова: коммуникативные практики, коммуникация, архитектура, поведение, город

Для цитирования: Чапля Т. В. Коммуникативные практики и организация городской среды // Культурно-антропологические исследования. 2021. № 1. С. 26–34.

Original article

COMMUNICATIVE MODELS AND URBAN ENVIRONMENT ORGANIZING

Tatiana V. Chaplya

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, chap_70@mail.ru,
ORCID 0000-0001-9712-7478

Abstract. The topicality of the article bases on the necessity to understand the history of urban space formation and fixing the types of social interaction to its separate parts. The aim of the article is to study the connections between urban space organizing and the types of communicative models implemented in them. The methodological framework of the article includes works of urban specialists who view the city as a social system, some space to perform specific communicative interactions, especially the achievements of the Chicago School. The fact that the development of urban space zoning tends to depend on the differentiation of living environment of human community is shown in the article. Four spheres are overviewed: the area of living space, working space, leisure sphere and the area of consuming. Communicative models are presented on two space levels: personal and public. The conclusion, that the role of status differences prevails in public space area and official interaction while the function-based diversity dominates on the level of unofficial interaction, was made. It is marked that specific living environment is connected with some concrete types of architecture; and architecture at the same time

performs the function of an operating mechanism that defines the lines of the acceptable behaviour for the man.

Keywords: communicative models, communication, architecture, behaviour, city

For Citation: Chaplya T. V. Communicative models and urban environment organizing. *Cultural and anthropological research*. 2021;(1):26-34.

Развитие городской среды происходило и происходит параллельно с формированием и закреплением повседневных практик горожан. И если на первоначальном этапе освоение пространства, его организация определялись потребностями общества в создании мест, удобных для того или иного вида деятельности и взаимодействия в нем, то сегодня, особенно на территориях, имеющих длительную и богатую историю, нередко уже само пространство и его архитектура диктует жителям, где и что можно делать. Актуальность исследования особенностей взаимосвязи коммуникативных практик и архитектурного пространства города диктуется потребностями в наиболее эффективной организации как уже существующего городского пространства, так и вновь формируемого.

В современной науке накоплен богатый опыт изучения как непосредственного города – урбанистические исследования, начиная с Г. Зиммеля [1], описавшего место и роль личности в большом городе, продолжая работами Вирта [2], описавшего город в понятиях плотности и специализации отдельных районов; понятия «гетерогенность», благодаря чему формируется тип «среднего человека»; предложившего механизм изучения городской территории, положив в основу понятие зонирования; работы Дж. Джекобс [3], описавший особенности и условия жизнеспособности городских улиц в их связи с городскими коммуникативными практиками. Нельзя не упомянуть о вкладе Чикагской школы в исследование городского пространства, положившей в основу понятие «дистанцированных коммуникаций», ставших условием развития города. Большое значение имеет работа К. Линча, описывающая механизмы формирования городов и их взаимосвязи с общественными отношениями, хозяйственными, политическими и социальными проблемами: «формы поселения – это пространственная организация человеческих действий, порождаемых ими потоков людей, предметов и информации, физических признаков окружения...» [4, с. 51]. К теории Линча близок П. Холлис [5], рассматривающий городское пространство как место социальных действий, основанное на стремлении людей быть вместе.

Исследование городского пространства с позиции возникающих в нем городских практик можно найти в работе В. В. Ивановой и М. А. Зыковой [6], которые понимают под ними систему отношений, возникающих под воздействием структуры городского пространства, и одновременно набор паттернов поведения, формируемых благодаря определенным типам мышления и символизации. В итоге получается некая система действий, существующая в структуре взаимосвязи архитектуры и социальных отношений.

Говоря о коммуникативных практиках, следует отметить их прямую зависимость от тех видов и способов деятельности, которые постепенно складывались внутри человеческого сообщества на заре истории и прошли большой путь дифференциации. Изначально закрепление определенных способов поведения за определенным местом происходило постепенно и на уровне не только оппозиции «свой-чужой», но и на уровне «святое-профанное». Таким образом,

запускаются механизмы идентификации, позволяющие субъекту осознавать свою принадлежность к определенному пространству и коллективу, который в этом месте проживает; что в дальнейшем приведет к осознанию и выделению из публичного пространства группового и личного, и закрепит за ними определенные ценности и паттерны поведения, допустимые в кругу своих. Понятие своих тоже имеет свои особенности дифференциации в зависимости от широты круга своих (свой на расстоянии 30 сантиметров, свой на уровне 60–120 сантиметров и т. д.): от членов семьи до друзей и уровня принадлежности определенной этнической группе или стране. Нередко «свои» могли переходить в категорию «чужих» и наоборот. Как уже отмечалось А. В. Харламовым, «Участники социального взаимодействия могут оказаться в ситуации отчуждения вследствие того, что ими утрачивается способность воспринимать привычные формы взаимоотношений как “свои”» [7, с. 136].

В разные исторические периоды эти свои тоже сильно различались. В древности свои – это практически весь род, семейная группа, основанная на общем родстве, то в дальнейшем в этот круг допускаются и люди совершенно посторонние с точки зрения кровного родства, но являющиеся собственностью хозяев или зависимые от них. Так в средние века в понятие семья, как ближайшего круга своих входило большое количество людей, включая помимо прямых родственников еще и всех домочадцев, проживающих вместе на одной территории, и даже спящих в одном помещении. Такого рода ситуацию отражало и представление о доме, задача которого заключалась в том, чтобы скрывать домочадцев от внешнего мира, защищать их, а с другой, – средневековые мало знакомо с зонированием внутреннего пространства, структурированием внутренних покоев, стенами могли служить ковры, с помощью которых пространство могло на время перекрываться в соответствии с требованием дня. В древнем Китае, например, «ширма являлась одним из предметов внутри дома, роль которой была в том, чтобы прикрывать личную жизнь хозяев от взгляда чужих или посетителей» [8, с. 76]. Такого же рода организация архитектуры наблюдалась первоначально и в храмовом зодчестве, изначально оно было однонефным, объединявшим всех верующих, как сыновей и дочерей Господа в единое «стадо».

Первоначальное деление на «своих» и «чужих» привело к формированию и закреплению определенных коммуникативных практик, как в отношении своих, так и чужих. И если в отношении своих, коммуникативные практики были и остаются многовариантными, они свои в каждой семье, в кругу близких друзей, то коммуникативные практики, связанные с «чужими», носят более формальный характер, они менее разнообразны, но и более терпимы. Свое первоначальное воплощение они находят в разработке и закреплении этикетных правил за определенным пространством, ситуацией и конкретным помещением. Эти тенденции возможно проследить как на уровне организации пространства дома или квартиры: есть помещения общего пользования – прихожая, кухня, гостиная; а есть помещения, куда мы не можем позволить проникать посторонним людям. Факт того насколько близок нам человек легко подтверждает тем, насколько глубоко ему позволено перемещаться в домашнем пространстве. Да и само пространство обставляется с расчетом на то, для чьих глаз оно предназначено: чем оно более публично, тем более торжественно и официально оно обставлено. Доказательством этому служит выделение парадного апартамен-

та в домах и дворцах предшествующих эпох, которые обставлялись наиболее богато, куда следовало выходить в определенном наряде и занимать определенное место. Тем самым правильно организованное пространство не только демонстрировало, но и закрепляло в сознании социальный статус его хозяина; наделяло ценностным смыслом определенные места внутри дома или дворца: «...место "приобретает значение" и набирает контекстуальные свойства только благодаря тем смыслам, которые присваивают ему действующие лица» [9; 3].

Те же процессы можно наблюдать и на уровне городского пространства, а не только внутреннего «домашнего». Несмотря на его большие размеры, принципиально мало что меняется. Как и в отдельно взятом доме, в городе для каждого человека и городского населения в целом существуют определенные зоны, связанные с определенными паттернами поведения. Такого рода зонирование имеет в своей основе дифференциацию видов и способов деятельности и взаимодействия в них. Первоначально, в средние и вплоть до Нового времени можно было наблюдать слияние таких важных в жизни каждого субъекта процессов, как дом и работа. Соответственно эти области не предполагали каких-то особых способов поведения, и само пространство, с точки зрения архитектуры, было подстроено под нужды не только проживания, производства, но и продажи результатов своего труда (практически дом, мастерская и лавка одновременно). К XIX веку понятия «дом» и «работа», с развитием фабричного производства были окончательно разделены. За этим последовало большое количество изменений в повседневных практиках горожан. Субъект начинает осваивать новые для себя социальные роли, выстраивать отношения с работодателем, с сослуживцами и т. п. Изменения произошли и во внешней облике, появилось различие между домашней одеждой (возникло само понятие «домашняя одежда») и рабочим костюмом, костюмом для выхода на улицу. Происходит дифференциация всех сфер жизни. По замечанию М. Фуко, все эти процессы усиливают роль дисциплинарного пространства, в котором одну из главных ролей играет архитектура. Появление заводов и фабрик, организация их пространства также шла по пути усиливающейся дифференциации: начиная от строительства отдельных зданий до дифференциации отдельных трудовых операций и разведения процессов производства и продажи; от условий проживания рабочих на территории фабрики до строительства отдельных барачков и целых рабочих районов в современных условиях города.

Так можно заметить, что развитие трудовой сферы влечет за собой формирование особых паттернов поведения, связанных с высокой степенью дисциплинированности и жесткой регламентации. Найти подтверждение этому не трудно, если посмотреть на организацию труда начиная от входа на предприятие, как правило, это проходная, на уровне которой фиксируется кто может проходить, только предъявляя пропуск, далее это продолжается на уровне перемещения по территории предприятия, в начале XX века могли делать специальную разметку, в соответствии с которой рабочие могли перемещаться. В основу дифференциации территории был так же заложен и принцип социальных различий: внутри наносили линии, по которым могли перемещаться только рабочие и служащие, занимающие определенные должности. «Одна из характеристик рационализации производственного пространства – сокращение количества входов на завод и их специализация: для персонала, для поставщиков, для отправки готовой

продукции» [10, с. 31]. Продолжение контроля над подчиненными можно видеть в практике заключения трудового договора, где оговариваются не только права и обязанности каждой из сторон, но и нередко условия дресс кода, иногда и семейного положения (сотрудникам могут запрещать вступать в брак и т. п.). Получается, что на уровне сравнения зон дома и работы происходит формирование двух противоположных коммуникативных практик, одни основаны на относительно свободных отношениях, позволяющих проявляются личностным особенностям вне зависимости от внешнего влияния, другие – основаны на жестко регламентированных отношениях, часто закрепленных в документах, нарушение которых влечет за собой определенные санкции, вплоть до потери рабочего места. Также они различаются тем, что в сфере работы преимущество имеет понятие социального статуса, а в домашней и дружеской обстановке – социальная роль или роли.

Сфера официального взаимодействия на уровне организации рабочего места получила свое развитие в появлении социального слоя – служащих, которые в современном мире преобладают над непосредственно рабочими заводов и фабрик. Рабочие места служащих, как правило, располагаются в пределах городской черты, а часто и в центре города, как самом престижном месте или в деловом центре. С конца XIX века крупные компании стремились обосноваться в самых престижных районах города, а из-за нехватки свободной земли и ее высокой стоимости им пришлось демонстрировать свою власть с помощью строительства высотных зданий. Внутри подобного рода помещений существует своя социальная дифференциация, основанная на статусных различиях: чем ниже должность служащего, тем менее удобным и менее освещенным становится его рабочее место.

Сфера публичного, делового взаимодействия в городе сконцентрирована и вокруг административных зданий, располагающихся как правило в центре. Эта часть города посещается большинством населения, и она является местом сосредоточения власти и потому отличается наибольшей упорядоченностью и предсказуемостью. Такого рода здания имеют схожую планировку пространства. Ее главная функция – обеспечение официального взаимодействия и быстрого решения вопросов, а также контроль над поведением проходящих людей. Чаще всего пространство имеет коридорную, вытянутую структуру, не располагающую к беседам. Узкое длинное пространство вызывает желание его покинуть, а не вступать в контакт. Поэтому посетители нацелены на то, чтобы скорее попасть в нужный кабинет и как можно быстрее уйти, то есть потенциально архитектура диктует нам поведение одиночки, стремящегося к решению только своего личного вопроса. Объяснение этому можно найти у социальных психологов, в частности исследованиях Э. Баума, доказавшего, что длинные коридоры вызывают у человека чувство беспокойства и ощущение большого количества народа, и как следствие, стремление удалиться по причине невозможности контролировать свои контакты. За этим скрывается высокая степень этикетности взаимодействий в административных структурах, благодаря чему поведение становится предсказуемым, и позволяет ориентироваться в ситуации. Психологический настрой на контролируемые взаимодействия вызывает и внешний облик зданий. Для них используется чаще всего классический ордер, который означает не только торжественность и величие, но и четкую

организацию, дисциплинированность и управляемость. Внутренняя организация построена по тому же принципу: есть четкое выделение зоны вестибюля, где происходит «сортировка» посетителей и распределение их по кабинетам. К числу дисциплинарных помещений М. Фуко [11] относит также здания школ, больниц и тюрем. Власть в данном случае демонстрирует посетителям свою силу и статус, занимаемый в обществе, как на уровне архитектуры, занимаемого ею места, так и на уровне принятых способов коммуникации. С точки зрения Фуко: «архитектура... образует исключительно некий элемент опоры, которая обеспечивает известное распределение людей в пространстве, канализирует их циркуляцию, а также кодифицирует их взаимоотношения» [11, с. 233].

Местами неформального общения и взаимодействия в городе служат территории организации перемещений и проведения досуга. Они характеризуются тем, что представляют собой «пространство, где человек не отягощен ролью хозяина или гостя» [12, с. 22]. Развитие сферы демократического общения приходится на конец XIX века и расцвет буржуазной культуры, смягчивший существовавший прежде этикет, благодаря новому темпу и типу городского жителя. Прототипом можно считать образ денди, сформировавший определенный стиль городского поведения и внешнего облика. «Был достигнут сложнейший синтез между элегантностью и деловитостью... Отсутствие четких знаков, свидетельствующих о профессиональной или сословной принадлежности, и составляло стилистическую базу потенциальной мобильности. Костюм стал визуальным символом исходного равенства возможностей для способных людей в буржуазном демократическом обществе» [13, с. 226].

Демократизация все сфер жизни, разделение пространства работы и проживания, породили разделение рабочего времени и времени досуга, которое стало осваивать свои практики взаимодействия и создавать для этого определенные места. Свободное время породило образ городского фланера, который постоянно перемещается по городским улицам, скверам и паркам без какой-либо четкой цели. В круг его интересов попадает сам внешний мир как таковой, воспринимаемый в контексте театральной сцены с разворачивающимся спектаклем городской жизни. Такого рода прогулки получили в современном обществе наполнение содержанием, праздное разглядывание приобрело более завуалированные формы: чтение газеты или журналы и выглядывание «поверх», наблюдение из окна кафе или ресторана, где с одной стороны есть чувство защищенности, так как наблюдатель располагается внутри помещения и не доступен для внешних прохожих, а с другой – окон создает чувство абсолютной проницаемости, слияния с городской жизнью. «В этом пространстве взаимного созерцания, где всякий, оставаясь анонимным клиентом и созерцателем, сам становится объектом спонтанной социальной оценки, действенные свои стратегии ускользания от прозрачности. Одна из наиболее – это чтение в кафе» [14, с. 17].

Развитие сети ресторанов общественного питания также ведет свое бурное начало с XIX века, изначально это могли быть закрытые клубы по интересам, где собирались представители определенного сословия, но внутри которого они могли не соблюдать внешние приличия, связанные с их социальным положением, так как находились среди равных. Постепенно клубная жизнь стала доступна и для других сословий, она начинает организовываться по интересам,

по профессиональному признаку. В такого рода заведениях сословные различия отходили на второй план, и каждый мог вступать в общение с любым посетителем кафе или ресторана. В результате получают развитие общественные коммуникативные практики, основанные на неофициальном общении; такого рода взаимодействия будут отличаться большей неопределенностью и шаткостью границ допустимого, при взаимодействии в общественных местах мы всегда более терпимы. В итоге можно считать, что «посещение кафе – специфическая форма включения в общественную и политическую жизнь страны» [15, с. 407]. Со временем кафе и рестораны не только взяли на себя организацию форм общественного досуга, но и породили обратную тенденцию, они теперь нередко становятся территориями делового общения, заключения сделок, проведения переговоров, а с возникновением интернета и местом работы. Достигается это простым зонированием внутреннего пространства и использованием определенных типов мебели. Внутренне помещение кафе или ресторана рассчитано по большей части на групповые посещения, на парные контакты, и реже – на одного посетителя. Для проведения переговоров и уединения выделяются закрытые зоны с перегородками разной высоты и разной степени проницаемости, поэтому посетители имеют возможность реализовать любые свои потребности в организованном пространстве общения. В зависимости от уровня взаимодействия посетители имеют возможность выбрать столики и тип стула, доказано психологами, что столу круглой формы располагают к более дружескому, демократическому стилю общения; а столы квадратной и прямоугольной формы – официальному, ранжированному взаимодействию. Выбор стула с высокой спинкой более свойственен людям, чувствующим себя в опасности, поэтому легко заметить их стремление к защите спины, поиску опоры, выбор стула с низкой спинкой – свидетельство уверенности в себе и своих компаньонах. Присутствие в общественных местах низких стульев наиболее походит фланерам, людям, не желающим вступать в контакт, а предпочитающих наблюдать за происходящим снизу вверх, отсюда их желание выйти из зоны прямого восприятия и прямого контакта. По замечанию Э. Глейзера: «еда и потребление напитков вне дома – это способ разделения общественного пространства, позволяющий городскому жителю не замыкаться в своей маленькой квартирке. В определенном смысле города вытаскивают людей из приватного пространства в публичное, а потому последнее становится центром социализации и демонстративного поведения» [16, с. 192].

Еще одной сферой активного формирования коммуникативных практик стала сфера потребления или торговли, сопровождающая человечество на протяжении всей его истории, но получившая наибольшее развитие в связи с ростом городов и формированием культуры потребления массового общества. «Главными площадками коммуникации в городах Нового времени стали магазины, культурные институции, стадионы, рестораны и кафе – узловые пространства культуры потребления» [17, с. 51].

Одним из пространств публичного общения стали магазины, которые активно начинают строиться в конце XIX века, в результате совмещения пространства улицы и торговых рядов. Изначально они стали местом потребления высших сословий, которые могли, не боясь за свою безопасность и не завися от погодных условий спокойно насладиться процессом покупок. Объединение двух

типов пространств улицы и магазина постепенно с ослаблением пропускного режима и исчезновением обязательности совершения покупок привело к проникновению внутрь фигуры фланера, который просто гуляет по магазину, наслаждаясь видами и наблюдая за покупателями, как на обычной улице. И здесь уже магазины могут выполнять роль проводников с помощью размещения товаров, украшения витрин и рекламной информации регуляторов движения потоков людей. В торговых помещениях, особенно таких больших как мегамоллы и супермаркеты происходит совмещение практик «представления себя другим» [Гофман] и наблюдения за окружающими, как это раньше было на улице. Сегодня торговый центр представляет собой город в миниатюре со своими улицами и специализированными зонами: сфера красоты, зона делового общения, зона развлечения и собственно покупок. Получается, что коммуникативные практики, формировавшиеся в связи с определенными центрами городской жизни и в пределах различного городского пространства и архитектуры, в рамках торгового центра объединяются на одной территории.

В итоге можно сделать вывод, что развитие и специализация городского пространства порождают совершенно определенные коммуникативные практики, связанные со сферами личного и публичного общения; причем публичного в первую очередь. Эти практики напрямую зависят от процесса дифференциации сфер человеческой активности: деловая, властная или административная, сфера потребления и досуговая. Для каждого вида коммуникативных практик город представляет определенное пространство и тип здания, но современные тенденции развития городской среды демонстрируют их смешение в рамках одного пространства, характеризующегося многофункциональностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Зиммель Г.** Большие города и духовная жизнь. – М.: Strelka Press, 2018. – 112 с.
2. **Вирт Л.** Урбанизм как образ жизни. – М.: Strelka Press, 2018. – 180 с.
3. **Джекобс Дж.** Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
4. **Линч К.** Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
5. **Холлис П.** Города вам на пользу: Гений мегаполиса. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
6. **Иванова В. В., Зыкова М. А.** Городская архитектура как способ конструирования и деконструирования социальных практик горожан // Мир экономики и управления, 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 150–159.
7. **Харламов А. В.** Информационные барьеры и социальное отчуждение в современном коммуникативном пространстве // Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – С. 135–138.
8. **Тихомирова Е. Е., Чжао Ц.** Когда жилище становится домом: смысловое наполнение в китайской и русской культурах // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4 (8). – С. 74–79.
9. **Крашениников А. В.** Мезо-пространства городской среды // АМТ, 2015. – №4 (33). – С. 1–13.
10. История частной жизни: под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Том 5: От I Мировой войны до конца XX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 688 с.
11. **Фуко М.** Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
12. **Ольденбург Р.** 3-е место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
13. **Вайнштейн О.** Денди: мода, литература, стиль жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.
14. **Бикбов А.** Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы. // Логос, 2002. – № 3 (34). – С. 1–23.

15. **Мильчина В.** Париж в 1814 – 1848 годах: повседневная жизнь. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 944 с.
16. **Глейзер Э.** Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. – М.: Издательство Института Гайдара, 2014. – 432 с.
17. **Желнина А.** «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium, 2011. – № 2. – С. 48–69.

Информация об авторах

Т. В. Чапля – доктор культурологии, доцент, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет

Information about the Authors

T. V. Chaplya – Dr. of Cultural Studies, PhD in Sociology, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 12.04.2021; одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 20.05.2021

The article was submitted 12.04.2021; approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 20.05.2021